

18+

Елена Арзамасцева

В день, когда расцветут хризантемы

Повесть и рассказы

Елена Арзамасцева

**В день, когда расцветут
хризантемы. Повесть и рассказы**

«Издательские решения»

Арзамасцева Е.

В день, когда расцветут хризантемы. Повесть и рассказы /
Е. Арзамасцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855008-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Анна, похоронив мужа, узнает, что и она тоже в скором времени должна умереть. Судьба забрасывает ее в маленький городок, где она прозябает в общежитии, на грани нищеты. Решив обеспечить будущее своих детей, Анна отправляется в столицу в поисках легких денег. Случайная знакомая предлагает женщине заработать приличную сумму. Стремительно развивающиеся события несут Анну по странам и городам, превращая жизнь женщины в вечный бег от самой себя.

ISBN 978-5-44-855008-9

© Арзамасцева Е.
© Издательские решения

Содержание

В день, когда расцветут хризантемы	7
Пролог	7
1	9
2	11
3	14
4	17
5	20
6	23
7	25
8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

В день, когда расцветут хризантемы

Повесть и рассказы

Елена Арзамасцева

Иллюстратор Елена Наревская

© Елена Арзамасцева, 2017

© Елена Наревская, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5008-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель!

Наконец-то эта книга увидела свет.

Повесть «В день, когда расцветут хризантемы» я написала давно, лет пятнадцать назад, и никак не решалась ее издать.

Некоторые уважаемые мною люди, которым я давала прочитать рукопись, говорили, что она – учебник для преступников, так как в ней даны четкие инструкции, как можно «выйти сухим из воды», нарушив закон. И что многие описываемые мною ситуации аморальны и неинтересны читателю. Да и вообще, зачем нужно «копаться в куче навоза» девяностых годов прошлого столетия, когда это время никто не хочет вспоминать?

Может быть, кто-то и действительно не хочет. Но девяностые годы двадцатого века были не только годами слома в нашей стране одной государственной системы и замены ее на другую, ранее нам неведомую, но и резкого изменения сознания простых людей – нас с вами, попавших вдруг из унылого, но стабильного и программируемого существования в полный хаос бытия.

Говоря об этом времени, ограничиваются обычно определениями «лихие девяностые», «бандитский беспредел», «время воров и быстрых капиталов», забывая, что порядочные обычные люди и нормальные семьи все-таки составляли подавляющее большинство нашего общества. Не бандиты, продажные милиционеры, чиновники и коррупционеры, а именно простые люди! Жили, растили детей, работали и каким-то образом умудрялись доставать деньги и выживать в нечеловеческих условиях.

Я хорошо помню, как месяцами не выдавалась заработная плата, но люди все равно продолжали ходить на работу, пока их предприятие растаскивали на куски новые владельцы. Помню, как раздавали ваучеры. Правда, для чего и зачем мне до сих пор непонятно. Был период, когда многие семьи существовали на пенсии стариков и детские пособия. Потом был период, когда и детские пособия выдавались тетрадками в косую линейку и позеленевшей колбасой. На фоне сумасшедшей инфляции и обесценивания денег вдруг выросли всевозможные мошеннические организации, обещавшие огромные проценты и отбиравшие последние накопления у наших доверчивых, наивных соотечественников, привыкших верить всему, о чем говорили по советскому радио, показывали на советском телевидении, писали в советских газетах.

Но несмотря ни на что, мы как-то сумели выжить, не впасть в состояние гражданской войны и ненависти друг к другу. Наши дети, в большинстве своем, выросли приличными людьми и достойно живут уже в новой России.

В повесть «В день, когда расцветут хризантемы» вошли реальные истории реальных женщин того периода, объединенные одной сюжетной линией главной героини. Разумеется, из уважения к ним я изменила имена и место действия.

Возможно, повествование кому-то покажется слишком закрученным и неправдоподобным, но поверьте, что жизнь нам иногда преподносит такие ситуации, что самая яркая выдумка оказывается бледной тенью на фоне реальности.

Что касается «учебника для преступников», то прошло почти двадцать пять лет с момента описываемых событий. За это время научно-технический прогресс шагнул далеко вперед: широкое распространение получил интернет и мобильные телефоны, наши паспорта стали биометрическими, повсеместно установлены видеокамеры. Многое, что «прокатывало» в начале девяностых, просто невозможно повторить в современном мире.

И все-таки, почему я написала эту повесть? Наверное, потому, что тот период времени слишком мало описан в нашей литературе, и новые поколения не всегда имеют правильное представление о нем. И еще потому, что хотела показать, насколько страшно изменить себе и изменить себя во имя призрачных химер.

*С уважением,
Елена Арзамасцева*

В день, когда расцветут хризантемы

Повесть

Пролог

Ярко-красный «Фиат» вывернул из-за угла дома и на бешеной скорости помчался по асфальту.

– А помедленнее нельзя? – спросила Анна, увидев, что впереди, примерно метров за сто, какая-то женщина с собакой переходит дорогу.

– Тебе показывают все достоинства автомобиля, а ты еще недовольна, – обиделась Лариска. – Лучше погляди на цветник. В этом году на удивление рано распустились хризантемы. Завтра племяннице в школу нарву.

Анна повернула голову влево и действительно увидела желтые шарики цветов, сияющие солнышками на зеленых кустах.

В этот момент раздался скрип тормозов, и она поняла, что машину заносит на обочину, туда, где сиротливо возвышались два огромных тополя. Громом прозвучал удар, постепенно переходящий в какофонию скрежета железа об асфальт и визга трущейся резины.

Перед глазами что-то вспыхнуло, ослепило, и Анна провалилась в пустоту, черную и зловещую. Странно, но боли она не чувствовала. «Наверное, я умерла», – подумала Анна и тут же проснулась.

Этот сон снился ей уже в четвертый раз, с маниакальной настойчивостью повторяя каждую мелочь и детали события, и женщина ни на минуту не сомневалась, что он – вещий.

После смерти мужа ей стали часто сниться вещие сны. Да вот хотя бы про соседку Инночку.

Лето, жара. В сиянии полуденного солнца по двору идет довольная жизнью Инка и катит перед собою коляску.

– Кто родился? – спрашивает Анна.

– Девочка, Дашенька, – счастливая мама поправляет кружева на пеленке, – ростом 52 сантиметра и весом 3 килограмма 900 граммов.

Проснулась – ни двора, ни коляски. Зима. За окном валит снег.

– Прибавления в семействе ждете? – поинтересовалась при случае Анна у соседки Галины, Инниной свекрови.

– Да, – ответила та гордо, – Инесса на третьем месяце! А ты откуда знаешь?

Анна рассказала ей про сон, а Галя, по своей привычке ко всему серьезно относиться, записала в блокнотике: девочка? (Даша?) – 52/3,90.

Она уже забыла об этом случае, но как-то в июле соседи позвали ее гости – «ножки обмывать».

– Представляешь, девочка родилась! Как ты и предсказывала, ростом 52 сантиметра. Даже вес совпал, – Галя раскрыла блокнот. – Удивительно другое! Сын, ни с кем не посоветовавшись, в загсе внучку Дашей записал! Ну ты, Анька, и ведьма! Не обижайся, не обижайся, лучше посмотри, какую мы колясочку купили! – она сняла покрывало с большого предмета в углу комнаты, показав ярко-розовую немецкую коляску с маленькими белыми колесиками, точь-в-точь такую, какую Анна видела во сне.

Обидевшись на ведьму, Анна про свои сны больше никому не рассказывала, но в общении к ней стали относиться как-то настороженно. Видимо, с Галининой подачи.

Ну и пусть, она в своей жизни еще и не это пережила! Мнение соседей ее не очень-то интересовало. Анна вообще ко многому относилась терпеливо и без эмоций. Но только не к своим вещим снам.

Приснилось как-то, что возвращается она из магазина, несет сумки с продуктами. Вдруг люди, которые только что спокойно шли рядом по своим делам, куда-то побежали, засуетились.

– Что случилось? – спрашивает Анна у какого-то мужчины.

– Да мальчишки на стройке в котловане лазили, одного из них песком засыпало. Насмерть. Когда откопали, уже дышать перестал.

– Кого?

– Какого-то Иванова Сашу.

Анна проснулась в холодном поту.

– Саша! – подозвала она к себе семилетнего мальчика, – обещай мне, что никогда, никогда ты не будешь ходить на стройку в соседний двор!

– Ты что, мам! – удивился ребенок. – Мы с ребятами там не играем.

Анна успокоилась, но дня через три, возвращаясь из магазина с полными сумками, она увидела бегущих в сторону котлована людей. Вой сирены скорой помощи сильно резанул слух, разбередив в душе Анны нехорошее предчувствие.

Она посмотрела на мужчину, идущего ей навстречу, – это был человек из ее недавнего ночного кошмара. Можно было ничего не спрашивать. Ноги подкосились, и Анна упала, выронив сумки.

– Мама, мамочка, что с тобой? – перепуганный Сашка склонился над женщиной, обеими руками поддерживая ее голову.

Прохожий собирал рассыпавшиеся продукты, складывая их в пакет.

Анна села на тротуар и заплакала:

– Сыночек, ты живой? Тебя не завалило?

– Ты что, мам! – прижался к ней сын. – Там другого Сашу Иванова песком засыпало. Он со мною в параллельном классе учился.

– А вы откуда знаете про погибшего мальчика? – подозрительно спросил мужчина, помогая ей подняться.

Анна только рукой махнула. Что она могла ему сказать?

1

Вот уже месяц они находились в этом доме и чего-то ждали. Их поселили на втором этаже в довольно-таки приличной комнате деревенского коттеджа.

Впрочем, деревенским он считался по заграничным меркам. Для большинства постсоветских граждан, проживающих в России, наличие подобного дома было хрустальной недостижимой мечтой, как полет на Луну.

– Вот живут, сволочи! – не переставала то ли завидовать, то ли восхищаться Зинка. – Ирка, посмотри, у них даже на туалетной бумаге сердечки нарисованы.

Санузел, или по-другому туалетная комната, примыкавший к помещению, в котором поселили девушек, стал любимым Зинкиным местом пребывания. Она могла не выходить из него часами, разглядывая то кафель со сценами из жизни фараонов Древнего Египта, то джакузи с необычной синеватой подсветкой и всевозможными навороченными душами и массажными приспособлениями, то изящной формы биде и умывальник. Особенно ее восхищал установленный на возвышении унитаз, по форме напоминавший трон.

– Когда разбогатею, обязательно оборудую себе шикарный сортир! Лучше этого! – витала в мечтах Зинаида, которая в своей жизни ничего красивее этих принадлежностей санитарной гигиены не видела.

– А ты что будешь делать, когда разбогатеешь? – спросила она приятельницу, днями напролет смотревшую в окно.

– У меня жизнь – сплошной сортир, мне не до джакузи, – меланхолично ответила та, наблюдая за прохожими, идущими по мощеному тротуару.

Чистенькая сельская улочка с изогнутыми фонарными столбами прошлого века, аккуратненькие, почти кукольные двухэтажные домики с красными черепичными крышами, с геранью на окнах и колокольчиками вместо звонков у дверей, окруженные такими же заборчиками и палисадниками, начинали раздражать женщину. «Хризантемы расцветут к первому сентября, – напряженно думала она, прокручивая в мозгу сон, в очередной раз приснившийся ей ночью. – Уже почти август! А у меня ни копейки нет в заначке! Ни копейки! На кой черт мы здесь сидим? Чего ожидаемся?»

Успокаивало одно – им обещали заплатить по тысяче долларов, если все получится. Хотя что-то останется у детей после смерти матери. В том, что она умрет накануне первого сентября, Анна ни на минуту не сомневалась.

– Слышь, подруга, на что ты деньги потратишь? – не унималась Зинка.

– Не знаю, а ты? – пожала плечами Анна, в планы которой совершенно не входило обсуждение деталей ее будущей жизни. За годы, прожитые вместе с Виталием, она научилась понимать, что молчание действительно золото. «Не давай о себе информацию, переключай собеседника на его проблемы» – так учил ее муж.

Зинка сразу погрузилась.

– Никому не скажешь? – спросила она Анну, как-то по-детски заглядывая ей в глаза.

– Нет! Обязательно всем расскажу: и в этом городишке, и в Москве! А еще лучше, напишу статью о твоей тайне в газету «Гудок»! – в тон ей ответила женщина.

Зинка на шутку не отреагировала.

– Мне парня моего нужно выкупить.

– Как это выкупить? – не поняла Анна.

– Да задолжал он чеченцам – Вахе и Эльдару, которые нас наняли, сейчас у них отрабатывает. Мне Ваха сказал, что, если я пять ходок сделаю, он моего Борьку отпустит.

– Вот так сюрприз! Чем больше ждем, тем интереснее становится! – Когда Зинаида предлагала ей эту работу, то ничего не говорила ни о своем парне, ни о его долге. Что день грядущий нам готовит?

С другой стороны, Анна тоже не лыком шита, и у нее – свои секреты. Соглашаясь на работу, она прежде всего позаботилась о том, чтобы ее работодатели никогда не узнали, ни как ее зовут, ни где живет, предварительно отправив заказным письмом до востребования в первый попавшийся город, на который упал взгляд в железнодорожном расписании, свой паспорт.

Что толку выяснять, кто и когда тебе врал, а главное – зачем? Вместо этого она спросила:

– Откуда у тебя парень?

Глупо спросила, как-то бестактно и неуклюже.

– А что? Думаешь, если я толстая и некрасивая, то и понравиться никому не смогу? – с вызовом ответила ей Зинка, прибавив пару крепких выражений из нелитературного русского языка. – Мы, между прочим, несколько лет вместе прожили душа в душу, пока он в казино не проигрался! Ты вот замужем была?

– Нет, – соврала Анна, похоронившая почти год назад второго мужа.

– А дети у тебя есть?

– Нет, – опять солгала та.

– Странно, – прищурилась товарка, – животик у тебя небольшой, как у рожавшей женщины.

– Много ем, – и, чтобы не продолжать разговор, Анна взяла из вазочки печенье и надкусила его.

2

Она экономила на всем, особенно на еде и транспорте.

Школа, в которой Анна работала учительницей младших классов, находилась через две остановки от ее общежития. Каждый день, встав в шесть часов утра и наскоро собрав завтрак, она пораньше выходила дома, чтобы не спеша с детьми за руку дойти до работы. Сама Анна утром не завтракала, ну может, чашку чая выпьет без сахара или в лучшем случае съест несколько ложек овсяной каши, но детей накормить – это святое! У них должно быть все: сливочное масло, хлеб, молоко. Слава богу, отменили ненавистные талоны, и магазины постепенно начали заполняться продуктами и товарами.

На нищенскую зарплату учительницы, которую к тому же не выдавали месяцами, нельзя было купить даже самое необходимое. Как Анна ни старалась, но где-то еще постоянно подрабатывать у нее не получалось. В небольшом провинциальном городишке, куда она вернулась с детьми из Москвы, работы не было. Государственные предприятия закрывались одно за другим, на прежнюю службу Анну не брали, а идти торговать в киоск к частнику – не хотелось. Спасибо, удалось пристроиться в школу, откуда нормальные люди, с точки зрения городских обывателей, бежали без оглядки.

Иногда ей везло, и она подрабатывала в собственном общежитии вместо ушедших в отпуск или заболевших уборщиц бабы Мани и бабы Любы. Тогда Анна вставала в пять утра и до семи мыла лестницы и полы в коридоре. Подработка была для нее подарком – общежитие принадлежало еще не обанкротившемуся заводу, и вахтерам с уборщицами там платили более или менее регулярно.

Первый муж Анны вместе с новой семьей уехал на заработки куда-то на Север. По слухам, доходившим до нее, платили там тоже с перебоями, поэтому и алименты на старшего сына Анна получала нерегулярно и редко. Младшему сыну полагалась пенсия по случаю потери кормильца, но ее, боясь последствий, она не оформляла. Причитающиеся пособия на детей Анне тоже почти не выплачивали, ссылаясь на дефицит в бюджете города, и выдавали вместо денег либо низкосортные макароны, либо тетрадки в косую линейку, плохо раскупавшиеся в магазине.

Осенью стало особенно тяжело – зарплаты не было аж до Нового года. Вот тогда-то Анна и стала выходить из дома чуть свет.

Проходя вместе с детьми мимо продуктовых магазинов, мимо киосков, круглосуточно торгующих спиртным, мимо пивнушек, она из урн, из-под скамеек, а то и просто с тротуаров поднимала пустые бутылки, аккуратно складывая их в целлофановый пакет. Это было опасное занятие – за бутылками охотились все бомжи микрорайона, иногда устраивая побоища из-за стеклотары. Анну участь битв каким-то чудом миновала, но, все-таки, было стыдно конкурировать с бомжами на глазах у редких утренних прохожих. Тем более ее многие знали!

Бутылочный бизнес приносил мало денег, но их хватало, чтобы ежедневно купить половину сайки пеклеванного хлеба и пол-литровый пакет молока. А иногда даже перепадало на крупы и набор куриных шеек, из которых Анна варила супы.

Чего у нее было всегда вдоволь, так это конфет в коробках и всевозможных ликеров, регулярно приносимых благодарными родителями к очередному празднику. Ликеры, которые, к слову сказать, Анна терпеть не могла, иногда менялись у соседей на колбасу и консервы, с конфетами вместо сахара пили чай.

По выходным она шила на старенькой машинке все тем же соседкам по этажу: иногда за деньги, иногда за ведро картошки, иногда за оставшийся лоскут ткани, из которого можно было собрать себе кофточку с коротеньким рукавчиком или скроить разноцветную наволочку.

Она до сих пор не понимает, как они пережили то голодное время.

Особенно трудно было старшему сыну – в Москве семья Анны жила не то чтобы очень богато, но далеко не бедно.

В большой трехкомнатной квартире свекра на Ленинском проспекте места хватало всем. Виталий, ушедший на пенсию после ранения, занялся бизнесом и чуть ли не одним из первых в Москве открыл кооперативное кафе, с традиционным названием «Русская кухня». В период тотального дефицита, талонов и просроченной гуманитарной помощи, он каким-то образом умудрялся доставать приличные продукты. Набрал штат хороших поваров, и в кафе, с недорогой, вкусной, почти домашней едой, живой музыкой по вечерам, народ повалил толпой.

Тогда, в конце восьмидесятых, люди к частникам ходили больше из любопытства, сравнивая как у нас тут, с тем, как у них там, на Западе.

Виталий старался держать марку. Отремонтировал помещение обшарпанной общепитовской столовой под сруб русской избы, расставил деревянные столы и лавки. Вышитые шторы, скатерти, рушники, в тон им расписные косоворотки на официантах, вежливое и культурное обращение, и дымящиеся, с пылу с жару, блюда в глиняных горшочках, с блинами, икоркой и запотевшей водочкой в графинах сделали кафе очень популярным. Особенно среди партийно-комсомольских работников горкомовского и обкомовского уровней.

Анна, пробыв положенное время в отпуске по уходу за ребенком, по настоянию мужа уволилась и больше не работала.

– Мне нужна красивая, ухоженная жена, а не вечно замотанная ударница коммунистического труда, – сказал он, – а еще мне нужны здоровые дети и чистый дом!

Брак у них был зарегистрирован, и она теперь носила простую русскую фамилию Иванова.

Несмотря на это, свекор ее к себе в квартиру прописывать отказался, ссылаясь на многочисленные примеры, когда ушлые провинциалки оттяпывали жилье у коренных москвичей, но внука и старшего сына Анны от первого брака прописал. Мальчишки для него опасности не представляли.

– Ничего, скоро купим свою кооперативную квартиру или построим дом, тогда будешь собственницей и полноправной москвичкой, – утешал ее муж, но Анна особо и не расстраивалась.

Для нее наступили золотые времена – спокойные, сытые и благополучные. После родов Анна немного раздобрела, но супругу это даже нравилось, и она не спешила худеть.

У нее не было проблем и трудностей. С Виталиком все решалось быстро и как-то само собой. Старшего сына Колю они перевели в одну из лучших специализированных школ с углубленным изучением иностранного языка, к малышу приходила вышколенная няня, пока супруги ходили по презентациям, банкетам или просто отдыхали за городом на даче у очередного высокопоставленного друга.

Обленившись, Анна даже не готовила. Каждый день с утра пораньше из заведения мужа приезжал водитель с кастрюлями, кастрюльками и судочками, и ей оставалось только разогреть еду и подать на стол. Но часто всей семьей они обедали прямо в своем кафе.

Пустота в магазинах и огромные очереди тоже мало волновали Анну, перед супругом которой, благодаря его прежней и нынешней работам, открывались двери многих складов, баз и подсобок магазинов.

Она взяла пример со своих новых подруг – жен быстро разбогатевших кооператоров и стала посещать модельные показы и одеваться в доме моды Вячеслава Зайцева.

Виталий не скупился на Анну и детей, ему было в радость одаривать ее золотыми украшениями, а французские духи, первая коробочка которых у Анны появилась только после замужества, она даже начала коллекционировать.

Мужу нравилось смотреть, как Анна, достав заветные коробочки и флакончики, открывала и закрывала их, мазалась, а потом вертелась перед ним, чтобы он оценил ее благоухание.

Он в шутку отпихивал жену и как бы недовольно бурчал: «Парфюмерный магазин пришел!» Анна шла в душ, смывала с себя дорогостоящие запахи, но потом снова доставала заветные флакончики, вернее один флакон с любимыми духами мужа «Клима» и, нанеся по капельке на мочки ушей и запястья, шла к нему подлизываться.

Виталий был самой большой и взаимной любовью Анны. Ей было неприятно вспоминать о том, что когда-то, в прежние времена, она испытывала к нему противоположные чувства.

В тот период жизни Анне многое было неприятно вспоминать. Например, предсказание ее судьбы, услышанное некогда во Владивостоке. Ну почему она должна быть одинокой и несчастной женщиной, если у нее дружная семья? Если она счастлива, и у нее все хорошо! Если они с Виталиком понимают друг друга с полуслова, полувзгляда, с полужеста, и уже не самостоятельные единицы в социуме людей, а неотделимые половинки единого целого.

Случайно столкнувшись по жизни, они вдруг обрадовались, что нашли друг друга, и поняли, насколько раньше была скучна их жизнь. Теперь Виталий старался дать Анне то, чего раньше она была лишена, в том числе и материальные блага, на которые у него, слава богу, имелись средства. Они регулярно ходили в театры, покупали дорогие хорошие книги. Узнав, что Анна никогда не была за границей, он повез ее в Германию. По возвращении заставил получить права и подарил новую «Ладу».

О себе он забывал. Анна покупала ему одежду, обувь и белье. Каждый день стирала рубашки и следила, чтобы его костюмы были вычищены и наглажены, а галстук подобран в тон.

Все это осталось в прошлом.

Теперь, сидя вечерами в своей общежитской комнатухе, Анна не могла отделаться от мысли, что над ней кто-то зло и жестоко подшутил, в один миг отняв у нее все.

«За что?» – только и повторяла она, размазывая по лицу слезы. Ей не хотелось жить, но подходил кто-нибудь из детей, теребил за руку, просил поиграть, поесть, да мало ли что могут просить дети, и она возвращалась в реальность.

3

Гость появился неожиданно перед рассветом.

По-хозяйски ввалившись в комнату в грязных ботинках, он со скрипом отодвинул стул и, не стесняясь полураздетых женщин, уселся вытянув ноги. От прищельца несло перегаром, смешанным с запахом едкого пота и еще какого-то неприятного амбре: то ли дешевого табака, то ли давно не стиранной одежды, то ли застарелого куриного навоза. Запах был настолько сильным, что Анну передернуло.

– Быстро встали! Ты, жирная корова, – он чуть не пнул по заднице ничего не соображавшую спросонья Зинаиду, – быстро взяла игрушки и повесила на себя.

– Сейчас, Эльдар, – безропотно и даже как-то заискивающе произнесла женщина, вместо того чтобы по обыкновению огрызнуться в ответ.

– А ты, – обратился он к Анне, кинув ей на кровать пакет с каким-то шмотьем, – надень это.

Анна, собравшаяся было дать отпор нахалу, увидев поведение напарницы, быстро сообразила, что выступления неуместны, и прикусила язык. «Ничего, – мстительно подумала она, – потерпим! Вот получу свои деньги, тогда и поквитаемся!»

В пакете оказалось нижнее белье из черного кружева, довольно-таки безвкусное, китайское, и такая же уродливая кружевная блестящая кофта. Не вступая в полемику, Анна ушла в туалетную комнату и переоделась.

– Накрасься поярче, – крикнул ей вдогонку гость, – а то выглядишь, как бледная вошь!

По-русски он говорил вполне грамотно и без акцента.

Вернувшись в комнату за косметикой, Анна увидела, что на полу перед Зинкиной кроватью лежит большая раскрытая сумка «Адидас». Заглянув в нее, она неприятно поежилась, но, решив относиться ко всему спокойно и без эмоций, тихонько присела на диван, взяла зеркальце и начала красить ресницы.

– Что сидишь, помоги ей! – снова прикрикнул на женщину Эльдар. Как хлыстом ударил!

Бросив тубик с тушью в косметичку, она подошла к подруге. Зина, между тем, производила довольно-таки странные манипуляции. Задрав юбку до пояса и достав из сумки новенький, поблескивающий плохо вытертой смазкой пистолет марки «ТТ», она с помощью лейкопластыря пыталась прикрепить его к внутренней стороне ноги, чуть пониже интимного места.

– Про пистолеты мы не договаривались! – Анна возмущенно развела руками. – Я думала, что контрабандный товар – сигареты или спиртное!

– Заткнись! Слишком много думаешь! – одернул ее Эльдар. – Вот сейчас пристрелю тебя, и ни одна сволочь не найдет! Давайте поторапливайтесь, у нас времени всего два часа!

– Молчи, Ирка! – зашептала Зинаида и быстро начала обматывать ногу пластырем, закрепляя пистолет.

Но Анне стало обидно. В конце концов, она не рабыня, не преступница и ей еще ни копейки не заплатили, чтобы разговаривать с ней подобным образом. Едва сдерживая гнев и сузив глаза до щелочек, она прохрипела:

– Не ори на меня! У себя на Кавказе на жену кричать будешь!

– На каком Кавказе? Совсем долбанулась? Я – из Казани. И скажи спасибо, что на моем месте не Ваха, он бы тебя точно пристрелил! – Эльдар смачно сплюнул на пол. Но затем, сменив гнев на милость, более миролюбиво закончил: – Ладно, ладно, поторапливайтесь! Если опоздаем, останемся без денег. И крепче заматывайте это китайское дерьмо, чтобы не выпирало и по дороге не отвалилось!

Его доводы действовали на женщин более чем убедительно.

На толстой Зинаиде уместилось шесть тэтэшек: два – на внутренних сторонах ног в шахматном порядке, чтобы женщина, сразу превратившаяся в каракатицу, хоть как-то могла передвигаться; по пистолету – под каждой коленкой и подмышкой. Для надежности груз обмотали еще и бинтами.

Далее последовал макияж. Зинкино лицо и руки покрыли красным гримом, подмазали кое-где зеленкой и присыпали пудрой. Для завершения образа на нее нахлобучили широкую цыганскую хламиду, и перед Анной предстал экземпляр безнадежно больного человеческого существа, сбежавшего из лепрозория, до которого не только дотронуться, но и просто смотреть, не содрогаясь, было не возможно.

– На меня тоже оружие заматаете? – наивно поинтересовалась она у Эльдара.

Тот только отмахнулся:

– Посмотри на себя, швабра! На тебе даже ключи от машины видны, если в карман джинсов положить. Куда мотать? Иди докрашивайся!

Анна, схватив косметичку, исчезла в туалетной комнате. Взглянув в зеркало, она ужаснулась. Из зазеркалья жалобно смотрела большими, вульгарно накрашенными глазами придорожная шлюшка в дешевой одежде с претензией на гламур. Всматриваясь в свое отражение, женщина вдруг отчетливо вспомнила сон, приснившийся этой ночью.

Они вместе с Зинаидой стоят на площади незнакомого города у чугунной ограды. Чуть поодаль, метрах в десяти, примостились молодые ребята в черных кожаных куртках с множеством заклепок и в тяжелых ботинках с железными набойками на носках, в большинстве своем обритые налысо. Ее дети называют таких «скинами», а газеты – скинхедами.

Скины есть, наверное, везде – во всех городах и странах. Несколько дней назад, одурев от заточения в коттедже и потихоньку сбежав на прогулку, они с Зинкой напоролись на таких типчиков.

Женщины шли по узенькой мощеной улице, глаза на витрины магазинов и мелких лавчонок, и не заметили появившихся бритоголовых ребят. Анна, слегка опередившая подругу, может быть, совсем бы их не увидела, но, пройдя немного и обнаружив, что Зинаида отстала, обернулась. Зинка стояла в окружении лысых подростков в черных куртках с заклепками и, как показалось Анне, даже с ними флиртовала. Вдруг она глупо улыбнулась, пожалала плечами и развела руки в стороны. Из толпы кожаных курток раздалось утробное ржание, от которого у Анны побежали мурашки по всему телу. Она почувствовала скрытую агрессию, флюидами источавшуюся от подростков, и ей показалось, что вот-вот возникнет драка. Но бритые мальчики также внезапно, как остановились, обтекли толстуху с двух сторон и пошли своей дорожкой, растворяясь между людей.

– Немцы какие-то привязались, – довольная Зинка быстро догнала Анну. – Ирка, скажи, что такое «русиш швайн»?

– Фильмы про партизан надо было в детстве смотреть, тогда бы выучила немецкий язык! Это же джентельменский набор всех киношных фашистов: «русиш швайн», «хайль Гитлер», «шнель, шнель», «млеко, курка, яйко»!

– Издеваешься? – обиделась Зинка.

– Русская свинья! – спокойно сказала Анна, разглядывая выставленную в витрине симпатичную сумочку.

– На себя посмотри! – вмиг вспылила приятельница, прибавив несколько матерных слов.

– Это они тебе сказали – русская свинья, – снова спокойно парировала Анна, которую совершенно не заделли словесные выпады в ее адрес.

Зинаида замолчала, всю дорогу до дома обиженно сопела, а вечером за ужином вдруг неожиданно констатировала:

– А говорят, что немцы культурная нация!

На этот раз, во сне, скины сидели себе спокойно, никому не мешали, о чем-то тихо переговариваясь.

Недалеко от женщин остановился микроавтобус, и Анна не обратила бы на него внимания, но дверь резко распахнулась, и из автобуса вытолкнули человека – долговязого прыщавого парня. Пробежав по инерции несколько шагов, он упал на асфальт.

– Боря! – кинулась к парню Зинаида, помогая подняться и отряхивая пыль с одежды.

Из автобуса выскочили Эльдар и Ваха.

– С тобою в расчете, – сказали они Зинке. – А эту, – Ваха кивнул в сторону Анны, – забираем вместо него!

Он направился к ней, и Анна вдруг поняла, что никаких денег за свою работу она не получит, а быть ей вечной пленницей до самой смерти, потому что выкупить ее у бандитов некому. Женщина сунула руку в карман брюк и нащупала там ключи от ее комнаты в общежитии, с которыми никогда не расставалась. «Ну, сволочь, – пронеслось у нее в мозгу, – только пойдешь!»

Последнее, что запомнилось ей перед пробуждением, – это «Вольво» синего цвета, мчавшееся по дороге с бешеной скоростью.

– Какой странный сон, – сказала Анна своему зеркальному отражению, – что бы он значил? Ну, хоть на границе не арестуют! А от этих Эльдара и Вахи нужно будет держаться подальше, черт знает, что у них на уме! И деньги за работу надо взять заранее!

Она вышла из туалета, покопалась в своей дорожной сумке, достала ключи и на всякий случай засунула их в карман джинсов.

Эльдара уже не было. Раздувшаяся до непомерных размеров Зинка сидела на кровати, широко расставив ноги в бинтах.

Кавказец, оказавшийся татарин, вернулся через несколько минут, держа в руках два больших баула.

– Что это? – спросила Анна.

– Польские тряпки, которыми бабы на рынках торгуют. Чтоб не пустыми шли, – пояснил Эльдар, на этот раз уже миролюбиво.

– Таня, – он ткнул в Анну пальцем, – пойдешь первой и побольше улыбайся. Если нагрубишь полякам, денег не получишь! Поняла? Если что, ты меня не знаешь, поняла?

– Если что – что? – переспросила Анна.

– Если вас задержат на границе, ты меня не знаешь и Зинку не знаешь! Поняла?

– Поняла, – в тон ему ответила Анна, – но могу я получить хоть какой-нибудь аванс сейчас? Хоть половину суммы!

– Нет, – замотал головой собеседник, – поляки на границе отберут! Они – жадные до денег. Вот границу перейдем, тогда сразу все получишь!

– Но мы же рискуем, – не унималась Анна, – вдруг придется таможенникам взятку дать, а у меня нет ни копейки, вернее ни доллара?

– Там все договорено. Они свое получают.

Последняя фраза прозвучала зловеще и женщине не понравилась.

– Покажи деньги, – не унималась она.

– Отстань, они у Вахи.

Больше Анна у него ничего не просила. Бесполезно.

4

Первый муж Анны прислал письмо в Москву и попросил ее срочно приехать, чтобы решить вопрос с комнатой в общежитии. Комнату эту Анне дали на работе еще до второго замужества, вернее в перерыве между замужествами, и, уезжая к Виталику в Москву, она постаралась ее не потерять. Практичный ум подсказывал женщине, что жилье лишним не бывает, где бы оно ни находилось, к тому же новая семья бывшего мужа Анны, с которым она после развода осталась в хороших отношениях, скиталась по углам.

Не выписываясь и договорившись с комендантом общежития, Анна нелегально поселила старого супружника в своей комнате, взяв с его жены Лариски клятвенное обещание ежемесячно оплачивать коммунальные услуги, и со спокойной душой укатила в лучшую жизнь.

Сейчас Николай писал, что устав от нищеты в родном городе, завербовался на Север, где ему полагается служебная квартира, через месяц они с Ларкой уезжают, и будет очень жалко, если комнату отберут и она достанется чужим людям. Тем более началась приватизация, и он слышал, что жилье в общежитиях скоро тоже будут передавать в собственность, а на нашу (он так и написал – на нашу) комнату, уже нашлись желающие.

Виталик, прочитав письмо, даже обрадовался.

– Конечно, поезжай! – сказал он Анне. – В Москве становится не спокойно, грядут перемены, а там вы будете в безопасности! Мне все равно придется вас где-нибудь прятать.

Муж начал опасаться за семью после смерти своего отца.

Сергей Петрович, бывший партийный работник с многолетним стажем, умер от инфаркта осенью 1991 года после провала путча и разгрома Государственного комитета по чрезвычайному положению. Он сильно переживал и за развал Советского Союза, и за нерешительность функционеров ГКЧП. Арест многих друзей Сергея Петровича и его бывших начальников, обвинение их в попытке государственного переворота, а также усиление позиций Ельцина, которого считали в определенных партийных кругах некомпетентным выскочкой, и гонения на горячо любимую Коммунистическую партию Советского Союза окончательно подорвали здоровье старика.

– Такую страну прощелкали! – сказал он перед смертью, когда семья в полном составе пришла к нему в больницу.

Вообще, события последних лет многое изменили в жизни Анны и Виталия. Сначала из-за павловской реформы они чуть не потеряли все сбережения, отложенные на новую квартиру. Чтобы спасти хотя бы часть денег, пришлось хорошо поделить с бывшими коллегами по работе.

Но это была не самая большая неприятность, подстерегавшая семью Ивановых. После создания Содружества Независимых Государств, пришедшего на смену Советскому Союзу, и упразднения КПСС быстро поменялись приоритеты, и в кафе, некогда опекаемое партийными работниками, стали заглядывать криминальные личности. Сначала приходили как посетители, сидели за столиками, осматривали помещение, о чем-то шептались с официантами, затем стали предлагать Виталию деловое сотрудничество – на их условиях.

В стране наряду с введением свободных цен и раздачей ваучеров начался передел собственности. И не только социалистической.

Пока правительство пыталось наложить лапу на денежные сбережения миллионов граждан, а чиновники через инвестиционные фонды под обещание мифических дивидендов выуживали у населения приватизационные чеки, соотечественники, прошедшие воспитание тюрьмой, организовывались на воле в сплоченные группы и требовали места под солнцем и жирный кусок общественного пирога.

В окружении Анны и Виталия все чаще стали рассказывать о том, как сожгли ресторан одного из знакомых бизнесменов, отказавшегося от «крыши». Другого приятеля, не заплатившего вовремя дань, чуть не закопали живьем в лесу. У кого-то украли ребенка и потребовали огромный выкуп, кто-то все бросил и уехал за границу.

У Ивановых не было больших денег, чтобы уехать, да и ехать было не к кому. «Не с нашей фамилией и физиономиями», – сказал Анне муж, когда кто-то из знакомых предложил ему организовать выезд в Израиль.

В России им тоже стало не сладко. И хотя, по сравнению с другими предпринимателями, Виталию все-таки жилось легче – бывшие сослуживцы не давали в обиду, и криминалитет, покружившись около, в конце концов от него отстал, родство с бывшим партийным функционером, поддерживавшим путчистов, клеймом повисло на его бизнесе.

Теперь уже вместо «качков» в кафе зачастили проверяющие всех рангов и мастей, начиная от налоговых инспекторов районного пошиба и заканчивая участковым милиционером, которому якобы разбуженные ночью громкой музыкой граждане, живущие по соседству, вдруг начали жаловаться в массовом порядке.

Предчувствуя что-то нехорошее, Анна начала потихоньку экономить и откладывать деньги, которые очень быстро начали обесцениваться и исчисляться миллионами. Она рассчитала няню и домработницу, сократила расходы на еду, одежду и культурные мероприятия и стала втайне от мужа подыскивать работу. Вопрос о том, работать ей или нет, в семье не обсуждался, но Анна знала, что ее дражайшая половина не обрадуется, если она устроится в один из многочисленных офисов и будет пропадать там с утра до вечера. Меньше всего ей хотелось сейчас расстраивать Виталика, кружившегося по рабочим делам сутками, и, как умная жена, она старалась не обременять его еще и семейными денежными проблемами.

Анна умела жить на любые деньги, даже на очень маленькие, и поэтому резкое уменьшение дохода на взаимоотношениях в семье не отразилось. Но мысль о том, что нужно все-таки иметь и свой заработок – так, на всякий случай, крепко засела в голове у женщины.

Поговорив как-то с соседкой по этажу, муж которой сделал целое состояние на перепродаже эмалированной посуды, она поняла, что настало время спекулянтов, и втихаря записалась на курсы брокеров при политехническом институте. Под предлогом посещения занятий по аэробике Анна часами толкалась на биржах и в брокерских конторах, читала пачками прайс-листы с перечнями товаров, выуживая выгодные цены. Предлагала каким-то людям купить вагоны куриных консервов, электрических лампочек, шпингалетов от оконных рам, которые в глаза не видела, добросовестно накручивая на цену свой копеечный интерес, выливавшийся в круглую сумму при состоявшейся сделке. Вся эта возня с такими же дилетантами от бизнеса, как и она сама, отнимала много времени и давала нулевые результаты.

Два раза ей действительно повезло. В первый раз, когда помогла продать соседу два вагона эмалированной украинской посуды и получила за это откатом аж двадцать эмалированных тазов, двенадцать огромных кастрюль-выварок для белья, с десятков чайников блеклых расцветок и еще кое-что по мелочи в виде мисок и кружек.

– Зачем ты купила эту дрянь? – чертыхнулся Виталий, входя в заставленный посудой коридор.

– Мама не купила, мама – заработала, – закричал радостно младший сын Сашка, надев на голову маленький тазик.

Пришлось расколоться. Вопреки ожиданиям Анны Виталик не рассердился, только сказал, что можно работать и дома, сидя на телефоне. Часть тазиков и кастрюль он забрал в кафе, остальные пристроили в хозяйственный магазин по соседству.

Второй раз – несколько десятков электрических утюгов Анна заработала перед самым отъездом в родной город. Большая часть утюгов, по причине их дефицитности, была успешно

продана через все тот же хозяйственный магазин. Штук пять она отложила на подарки родственникам и знакомым.

Честно заработанные спекуляцией пятьсот долларов Анна завернула в целлофан и спрятала в трехлитровую банку с гречневой крупой – на черный день, хотя соседка уговаривала ее вложить деньги в билеты МММ. Но Анна почему-то не верила в моментальное обогащение посредством помещения сбережений в сомнительные финансовые конторы, растущие повсюду, словно грибы после дождя. Наблюдая, с какой быстротой скачут вверх цены, она старалась, наоборот, как можно скорее от денег избавиться – приобрести побольше нужных вещей, чтобы завтра не платить за них втридорога, либо купить валюту.

Вот и сейчас, уезжая, она рассчитывала, вернувшись, сделать ремонт и прикупить кое-что из мебели, чтобы придать квартире более современный вид.

Дети с ней ехать не хотели и согласились только тогда, когда Виталий пообещал им собственный компьютер и приставку для видеоигр.

Собираясь в дорогу, Анна взяла с собой мало вещей – она не любила носить тяжелые чемоданы. Да и поездка планировалась всего на один месяц. Денежные траты, по ее расчетам, предстояли небольшие, поэтому лишних денег она с собою тоже не взяла. Но на вокзале Виталий вдруг вытащил из портмоне пачку купюр и сунул их Анне. На всякий случай.

В этот момент ею овладело нехорошее, щемящее предчувствие, что сейчас она видит мужа в последний раз.

Анна быстро отогнала прочь дурные мысли и улыбнулась. Улыбка получилась жалкой. Видимо, Виталию тоже было не радостно. Он занес вещи в купе, поцеловал детей и обнял Анну. Выпрыгнул из вагона только тогда, когда поезд уже начал отходить.

Она высунулась в открытое окно и долго смотрела, как муж бежит по перрону, постепенно отставая от набирающего скорость поезда.

5

Эльдар высадил их из машины довольно-таки далеко от границы, и женщины долго тащились по дороге к пропускному пункту. Зинке было особенно тяжело. Она шла неуклюже, переваливаясь с боку на бок, и при этом так стонала и кряхтела, что сомнения в том, что она здоровый человек, у всякого встречного отпадали сами собой.

Видимо, пожалев ее, рядом с ними остановился роскошный автобус «Фольксваген» канареечного цвета, разрисованный неведомыми цветами и с надписями на английском языке. В надписях преобладало словосочетание «love you», смысл которого понятен абсолютно всем без перевода. Из окна высунулся лохматый, слегка засаленный тип неопределенного возраста и, широко улыбаясь, приветливо замахал женщинам рукой, явно подзывая к себе. Он что-то при этом говорил, но Анна не разобрала что. Капельки пота стекали по его довольной физиономии.

– Проезжай мимо, козел драный! – неожиданно проворно огрызнулась Зинаида, – понаехало тут всяких!

Эльдар им категорически запретил разговаривать с посторонними, а уж тем более садиться в чужие машины и автобусы.

Подойдя к пешеходному пропускному пункту, они по инструкции работодателя остановились чуть-чуть в сторонке и стали ждать. Устав от длительного перехода и, как обычно, горестно вздыхая, Зинка уселась на тюки с одеждой, широко расставив ноги. Мимо прошли польские таможенники. Оглядев женщин, один из них брезгливо поморщился и что-то сказал другим, указывая на Зинаиду. Те расхохотались.

Минут через пять к ним подбежал какой-то полноватый дядечка лет сорока пяти, без фуражки и в кителе с расстегнутыми пуговицами. Лицо его лоснилось, и заплывшие жиром светлые глазки быстро заскользили по женщинам.

– Пани желает пройти досмотр? – улыбнулся поляк Анне, которая из-за сильного акцента еле поняла, чего от нее хотят.

– Я пройду, пройду, – согласно закивала она и, показывая на Зинаиду, в свою очередь, обратилась к таможеннику: – Тетя не может, она болеет! Ей нужно быть на воздухе!

Зинка, пыхтя и повизгивая, поднялась с поклажи. Анна, подхватив сумки, вбежала в здание и направилась к турникету с аппаратурой.

– Пани, сюда! – крикнул ей пограничник, указывая на кабинет в конце коридора.

Не понимая, чего от нее хотят, Анна достала свой паспорт и протянула его поляку.

– Татьяна Закревская, – прочитал тот в документе, скользнув взглядом по фотографии.

Анна слегка поежилась. Девушка, запечатленная на фото, была как минимум на десять лет моложе ее, имела вздернутый носик и круглое полноватое лицо. Похожими были только прическа и цвет волос, но странно – ни Ваха, ни Эльдар, ни таможенник на это не обратили внимания. Видимо, Зинка была права, когда утверждала, передавая ей паспорт предшественницы, что для нерусских мужчин все блондинки на одно лицо!

– Пани – полька? – не унимался таможенник, посмотрев пристально на Анну.

Да, – соврала она, не моргнув глазом. – Только живу в Белоруссии.

От Зинаиды она знала, что Татьяна Закревская до двадцати лет проживала в Гомеле.

Они подошли к кабинету, и пока таможенник, достав ключ, открывал дверь, Анна безуспешно пыталась прочитать надпись на табличке. Но спутник опередил ее. Протянув женщине руку, он представился:

– Яцек.

«Яцек так Яцек», – подумала Анна, присаживаясь к столу.

– Коньяк? Виски? – мужчина открыл сейф и достал оттуда два бокала и какой-то напиток в красивой бутылке.

Женщина пожала плечами – ей было все равно. Он разлил алкоголь, поднял бокал и, произнеся уже по-немецки: «Прозит», залпом осушил его.

«Странный какой таможенник», – отметила про себя Анна, которая до сегодняшнего дня была твердо убеждена, что иностранцы не пьют на работе, являясь образцом служебного рвения для русского человека. Тем не менее она отпила несколько глотков из бокала. Напиток был противным и обжигающим, и женщина, имеющая небольшой опыт в употреблении крепкого алкоголя, решила, что пьет коньяк.

То ли оттого, что она вторые сутки ничего не ела, или оттого, что в последнее время пришлось слишком много нервничать и переживать, но Анна вдруг сразу захмелела, и приятное тепло стало медленно растекаться по жилам.

Яцек подошел к ней, поднял со стула и прижал к себе. Она не сопротивлялась, только слегка оттолкнула его, когда он назвал ее уродой.

– Сам урод, – непроизвольно вырвалось у нее. И хотя она знала, что так поляки называют симпатичных дам, все равно ей было неприятно.

Он поцеловал ее в шею, потом еще и еще раз, постепенно расстегивая ажурную кофточку и заваливая на стол.

И тут вдруг Анна поняла, в чем заключалась ее миссия в операции по перемещению контрабандного товара. Картинка сложилась полностью и окончательно, как в детских кубиках. Как стеклышки в калейдоскопе, одним поворотом руки, перемещенные из хаоса нагромождений в четкий рельефный узор. Здесь на границе она не что иное, как разменная монета, оплата за услугу для этого жирного похотливого кабана. Могла бы об этом раньше догадаться! Слова Эльдара – «они свое получают» наконец обрели истинный смысл.

Анна попыталась оттолкнуть упитанного Яцека, торопливо, одной рукой расстегивающего штаны, но в этот момент ее взгляд упал на приоткрытый сейф, в котором она, помимо папок с документами и разномастных бутылок, заметила внушительную стопочку зелененьких купюр, и мысль ее начала активно работать в другом направлении.

– Таня такая застенчивая, – прохрипел поляк, видимо изображая нежность, пока его руки шарили по телу Анны, – мне нравятся порядочные застенчивые женщины!

«Черт с тобой! – подумала она, – все равно скоро умру. Можно и потерпеть ради хорошего дела. Должна же я перед смертью пройти тяжелые испытания и мучения, чтобы очистить свою бессмертную душу и попасть в рай!»

Похоть Яцека как раз и была для нее таким испытанием, и она решила выдержать его с достоинством, а заодно и реализовать внезапно созревший план.

Она крепче прижалась к Яцеку:

– О! У меня никогда раньше не было такого замечательного мужчины!

Получилось фальшиво и наигранно, но пограничник, видимо, к этому привык.

Анна старалась изо всех сил, изображая пылкую страсть, какую обычно показывают в голливудских фильмах, пока обессилевший поляк, не отвалился от нее, как насытившаяся пиявка.

В это время зазвонил телефон. Мужчина не торопясь встал, снял трубку и начал с кем-то разговаривать на родном языке. Анна, вскочив со стола, мигом натянула джинсы и, воспользовавшись тем, что Яцек отвернулся к окну, молниеносно вытащила из сейфа половину замеченных купюр. Сунув деньги в трусы и застегнув молнию на брюках, она быстро подбежала к Яцеку и, прижавшись к спине таможенника голой грудью, обвила его руками. Он положил трубку, повернулся к женщине и поцеловал ее.

– Ты мне понравилась, – хмыкнул Яцек удовлетворенно.

Он напоминал большого жирного кота, которому после сытного обеда хозяйка почесала за ухом.

Поляк на минуту задумался, видимо подыскивая нужные русские слова. Затем, хлопнув себя ладонью по лбу и отстранив Анну, достал из ящика стола коробочку, из которой вынул узкое серебряное колечко. Надев его девушке на безымянный палец левой руки, он хихикнул:

– Теперь ты моя невеста, Таня! Будешь всегда ко мне приходить.

– Как скажешь, дорогой! – в тон ему ответила Анна, не отрывая от Яцека влюбленного взгляда и медленно одеваясь.

Делала она это как можно сексуальнее и добила нужного эффекта. Поляк, почти не глядя, быстро убрал в сейф бутылку и стаканы, закрыл его и снова прилип к Анне.

– В следующий раз, дорогой! – сказала она, отстраняясь и застегивая пуговички на своей спецодежде.

– Когда придешь еще? – спросил у нее новоявленный жених.

Анна поцеловала колечко:

– Сегодня вечером.

– Я буду ждать, – томно закатил глаза таможенник.

Под чутким руководством Яцека через границу они прошли беспрепятственно, минуя аппарат, фиксирующий металл. Анна объясняла это еще и тем, что от Зинаиды все шарахались, боясь неведомой заразы. К тому же ее подельница-подружка просто физически не смогла бы протиснуться в рамку металлодетектора.

На белорусской таможне их тоже не досматривали, но в этом была уже заслуга Вахи, вовремя подсуетившегося и заплатившего кому надо.

На той стороне женщин встретил Эльдар, благополучно пересекший границу чуть раньше, чем его подопечные. Погрузившись в машину и отъехав от пропускного пункта на значительное расстояние, они свернули в лес, не углубляясь далеко. Остановившись у большого развесистого куста, надежно закрывавшего от посторонних глаз, все трое быстро сняли Зинкины бинты, освободив ее от опасного груза.

Забрав оружие и подбросив женщин в город, Эльдар велел им ждать его на привокзальной площади через два часа.

– Там и рассчитаемся, – подмигнул он Анне.

6

У Зинаиды не было ни копейки. Отвернувшись, Анна вытащила из заначки сто долларов и показала напарнице. Та не стала расспрашивать, откуда взялись деньги, только радостно хлопнула в ладоши, и обе побежали в обменный пункт.

Получив наличность в местной валюте, ласково называемой белорусами «зайчиками», женщины прежде всего отыскивали платный туалет. Анна закрылась в кабинке и пересчитала улов из сейфа Яцка. Эквивалент любви равнялся восьми тысячам семистам долларам, не считая уже разменных ста. Завернув купюры в целлофановый пакет, она крепко пришила его булавкой к нижнему белью. В голове вертелась одна мысль – как бы Яцек не спохватился, но ее перебивала, нет – гасила другая, еще более дерзкая – а что он там, в Польше, может ей сделать?

Поразмыслив хорошенько, Анна поняла, что опасаться все-таки стоит – цепочка отлажена. А вдруг поляк найдет возможность немедленно сообщить ее работодателям о пропаже денег? Может и позвонить! Что будет потом, Анна себе не представляла, но решила, получив деньги от бандитов, не испытывать судьбу и немедленно исчезнуть.

Зинка, выпросив у смотрительницы туалета мыло, соскабливала с себя грим прямо под холодной водой. Покопавшись в баулах с одеждой, которые Эльдар зачем-то им оставил, она нашла на свой размер приличный костюм, в который тут же переоделась.

Анна тоже переоделась в трикотажную кофточку, с удовольствием выбросив в урну блестящий наряд. Смыв по примеру Зинаиды боевой окрас, она приобрела вполне нормальный вид. После произведенных манипуляций с внешностью подруги стали походить на обычных среднестатистических челночниц, возвращающихся из очередного вояжа за товаром.

Сдав сумки в камеру хранения и позавтракав в вокзальном кафе, женщины отправились на площадь. От Зинки волнами расходились сигналы тревожности. Анна чувствовала, что товарка напряжена и что-то скрывает, но и ей не хотелось делиться своими пограничными впечатлениями, поэтому шли молча, в ускоренном темпе и очутились на месте задолго до назначенной встречи.

Привокзальная площадь оказалось точно такой, какую Анна видела ее во сне. Этому она уже не удивилась, а просто отметила про себя, что сон (в который раз!) – вещий и ей надо быть настороже.

Облокотившись на причудливую, видимо, старинную чугунную ограду, отделяющую сквер от площади, женщины стали ждать. Анна огляделась. Получалось, что они с Зинаидой оказались в самом удобном месте, откуда видны были все уголки площади и подъезды к вокзалу. Тень от больших деревьев надежно защищала их от солнца и придавала ожиданию налет комфортности.

– Смотри, вон опять эти уроды идут, – дернула ее за руку Зина, указав на группу бритоголовых ребят, одетых, несмотря на теплую погоду, в черные кожаные куртки и жилеты.

– Это другие, – безразлично ответила ей Анна, уже видевшая эту картинку во сне.

Только слово «уроды» неприятно резануло слух – несколько часов назад она слышала его в другом значении.

Скинхеды, между тем, остановились недалеко от них, видимо тоже кого-то ожидая. Некоторые ребята уселись на ограду, кое-кто закурил.

Зинка, внутренне приготовившись к агрессивным нападкам со стороны подростков, напряглась как заведенная в будильнике пружина, но, видя их миролюбивое поведение, успокоилась. В отличие от немецких бритых мальчиков, у их славянских собратьев она интереса не вызывала.

До встречи оставалась несколько минут.

– Знаешь что, Ирка! – вдруг ни с того ни с сего обратилась она к Анне, заметно нервничая: – Как только получишь деньги, сразу же беги отсюда. Поняла...

Она не успела договорить и замолчала на полуслове.

Напротив женщин на дороге остановился микроавтобус. Резко раскрылась дверь, и из автобуса вылетел парень из Аннина сна. Все повторилось с такой точностью, что можно было подумать, что Анна во второй раз смотрит один и тот же художественный фильм. Пробежав метра три, парень упал на асфальт.

– Боря! – кинулась к парню Зинаида, помогая подняться и отряхивая пыль с его одежды.

Следом из микроавтобуса выскочили Эльдар и Ваха.

– С тобою в расчете, – сказали они Зинке, – А эту, – Ваха кивнул в сторону Анны, – забираем вместо него!

Он направился к ней, но Анна, уже морально подготовленная к встрече, не испугалась и металлическим голосом отчеканила:

– Отдай деньги!

– Какие тебе деньги, шлюха! – чеченец вытащил нож из кармана и остановился перед Анной.

– Только не порть ей лицо, она поляку понравилась, – крикнул из-за спины ему Эльдар.

Анна, сжимая в руке ключ от квартиры, достаточно большой, острый с круговой нарезкой бороздок, вдруг неожиданно для всех резко села на корточки и завопила, обращаясь к бритоголовым:

– Помогите, наших бьют!

Ребята, словно зомби, получившие условный сигнал, включивший программу, мигом слетели с оградки и побежали на крик. В руках у некоторых из них появились металлические шарики на цепочках и куски арматуры. Откуда эти предметы взялись у подростков, она не поняла, да и разбираться было некогда!

Быстро спружинив с корточек, она ткнула ключом в лицо растерявшемуся Вахе и, услышав истошный вопль и ругательства, кинулась бежать.

Анна знала, что через несколько минут на бешеной скорости мимо них пронесется синее «Вольво», и ей, чтобы оторваться от погони, нужно как можно быстрее пересечь шоссе. Она помчалась что есть мочи – так, что в ушах зашумело.

Анна не ведала, бежал ли за нею еще кто-нибудь и вообще что делалось за ее спиной, и очнулась только тогда, когда рядом резко затормозил автобус. Скрип тормозов, почти такой же, как в ее кошмарном сне, заставил Анну прийти в себя. Она упала и чуть было не попала под колеса.

Из окна высунулся водитель и начал что-то кричать на английском языке, наверное ругаться, но, увидев Анну, перестал. Это был тот самый желтый разрисованный автобус и тот самый патлатый англичанин, который давеча любезно предлагал подвести их с Зинкой до границы.

– Хелп ми, помогите! – закричала Анна, вскочив и замахав руками.

Двери автобуса открылись, и женщина влетела в салон. Автобус тронулся с места.

Последнее, что увидела Анна в окно, выезжая с площади, это синий автомобиль, врезавшийся в микроавтобус Вахи. И еще – разбегающихся в разные стороны парней в кожаных куртках под звук милицейского свистка.

– Ох! – выдохнула она и опустилась на верхнюю ступеньку перед дверью.

Рукав кофточки сверху был разрезан, и по руке стекала тонкая струйка крови. Все-таки Ваха хоть и не сильно, но успел полоснуть ее ножом.

Коленки больно саднили.

Анна заплакала навзрыд.

Ее сильно трясло.

7

В родном городе Анну с детьми не то чтобы не ждали, но и встретили не очень ласково. Так, как обычно встречают людей, неожиданно-негаданно выигравших в лотерею большой денежный приз. Очень мало, кто искренне радуется их удаче.

Разведенная Анна с ребенком на руках, вышедшая замуж за москвича, да еще и бизнесмена, в глазах некоторых знакомых женщин, да и мужчин тоже, была еще хуже лотерейных миллионеров. Даже родной брат, которому досталась трехкомнатная квартира в центре города после смерти родителей, и тот считал, что Анне незаслуженно повезло. А раз уж ей так повезло, то она просто обязана постоянно помогать и делиться с ним – бедным участковым милиционером – своими немислимыми доходами.

Анна, постоянно передававшая с проводниками семье брата посылки с консервами, колбасой и детскими вещами, недоумевала, что еще ему от нее, а вернее от Виталия, нужно? В последний раз она отправила ему большую кастрюлю-выварку, заполненную до отказа тазиками, чайником и эмалированными кружками.

Видимо, этот подарок Анны Сергею не понравился, поэтому он встретил сестру не очень ласково, попеняв, что на родне экономить нельзя. Чтобы ему хоть как-то угодить, Анна по приезду в отчий дом вручила снохе Татьяне аж два электрических утюга.

Совсем по-другому встретила ее семья бывшего мужа. Лариска накрыла приличный стол, что в условиях очень высоких цен в продуктовых магазинах родного города само по себе много значило. Николай – бывший Аннин и нынешний Ларисин муж – уже уехал в Нижневартонск, и они с дочкой, собрав чемоданы и отправив багажом крупные вещи, со дня на день ждали звонка, чтобы немедленно вылететь к нему. Подаренному электрическому утюгу Лариса очень обрадовалась.

Сидя за праздничным, накрытым в ее честь столом, Анна с тоской разглядывала ободраные стены девятиметровой комнатухи, облупившуюся краску на окне с разбитым и заклеенным изолентой стеклом, выщербленные полы. Она все больше и больше убеждалась в мудрости Виталика, давшего ей перед отъездом деньги. Комната требовала если не капитального ремонта, то уж точно – капитального обновления, хотя бы для того, чтобы поселить в нее квартирантов.

Лариса уехала через два дня, и Анна, проводив ее, тут же занялась ремонтом и поиском необходимых для этого материалов. Брат, которому было обещано, что в будущем он будет присматривать за квартирантами и получать с них плату, сменив гнев на милость, помогал Анне чем мог. Подняв всех знакомых и милицейские связи, он достал на какой-то базе обои, линолеум, краску и новые стекла. Не обошлось, конечно, без переплаты, но зато не надо было рыскать по городу и стоять в огромных очередях.

С удовольствием погрузившись в работу, Анна вместе со старшим сыном подготовили под оклейку стены, размыли потолок и уж только потом позвали мастера, доводившего до ума их общежитское жилище.

Незаметно подошел к концу август, и женщина начала потихоньку собираться назад в Москву. Детям нужно идти в школу, да и ремонт московской квартиры, теперь, когда она прошла хорошую практику, жаждал ее руководства.

Обновленная комната со свежесмытым потолком и желтыми обоями была настолько уютна и солнечна, что моментально настраивала на праздничное настроение. Для полного ощущения счастья оставалось только купить новую мебель. «Жалко сюда квартирантов заселять, – подумалось Анне, – сразу все изгадят».

Неожиданно позвонил Виталий. Вернее неожиданно не то, что он позвонил, он почти каждый вечер звонил на квартиру Сергею, где остановилась Анна, и она подолгу рассказывала

ему, что делала за день и как чувствуют себя дети, а то, что он сказал. Он категорически запретил жене возвращаться в Москву, намекнув на какие-то грядущие события.

– Мне будет спокойнее, если вы останетесь под присмотром брата, – сказал он Анне, когда она запричитала по поводу школы и ремонта.

– Ремонт подождет, – резко оборвал ее муж, – а документы на детей я передам поездом – пусть пока поучатся в местной школе.

Затем он долго разговаривал с Сергеем, что-то ему объяснял, после чего брат, насупившись, сказал Анне:

– Ты это, правда, не дури! Оставайся пока у нас! Не бросит же он тебя в конце концов!

Анне пришлось смириться. Она не знала, что и думать, но Виталий продолжал регулярно звонить, в разговорах был ласков и нежен, и она успокоилась.

Получив от мужа вместе со школьными документами деньги, она втридорога, с «черного хода», приобрела в магазине мебель и маленький телевизор и вместе с детьми переехала в свою комнату.

С большим трудом в ее жилище поместились раскладной стол, два кресла-кровати, двухстворчатый шифоньер с антресолями и холодильник, на который и был водружен телевизор. Рядом с входной дверью, красиво покрашенной и с новыми замками, она поставила тумбочку для обуви и повесила вешалку для верхней одежды, надеясь, впрочем, никогда ею не воспользоваться. В углу, между шифоньером и стеной, оставалось пространство для купленной специально для Анны раскладушки, так как кресла уже облюбовали дети. Напоследок она повесила на окно красивые светлые шторы, и комната окончательно приобрела обжитой вид.

Семья брата, приглашенная на новоселье, интерьер одобрила.

– Это вам в подарок, – сказал Сергей и прибил на одной из стен полочку для книг, а на другой – для посуды.

– В тесноте, да не в обиде, – добавила невестка осмотревшись. – По крайней мере, для жизни все есть! А посуду постепенно подкупите!

Анна сжалась: «Змея!» Она перестала любить Татьяну, свою бывшую подругу, после того как та вышла замуж за ее брата. Уж очень она резко изменилась! «Она что, думает, что я здесь навечно и никогда не вернусь в Москву?»

Но вслух ничего говорить не стала.

В этом году в центральной образцово-показательной школе города ввели новшество и набрали один экспериментальный класс из детей шестилетнего возраста. Маленького Сашку, которому еще не исполнилось шесть лет, приняли в школу с условием – Анна будет работать воспитателем в классе, занимая свободное время детей после уроков и до прихода родителей. Предложение ей было сделано только потому, что директриса школы была чем-то обязана жене ее брата.

Анна, подумав, согласилась.

Ее дети росли умненькими и развитыми, какими обычно бывают дети в благополучных, счастливых семьях. Сашка к шести годам знал все буквы и уже читал по слогам. Она решила, что в школе, да еще с облегченной программой, учиться ему будет несложно. Сама же Анна, ожидая известий от мужа и пребывая в полном неведении по поводу дальнейшей своей судьбы, решила, что работа, пусть и временная, как-то отвлечет ее от невеселых дум.

Действительно, окунувшись с головой в школьные дела, они втроем как-то быстро и незаметно пережили сентябрь. Звонившему вечерами уже в общежитие Виталику Анна с гордостью сообщала об успехах детей и о своей работе. Она чувствовала, что муж переживает за них, и каждую неделю получала от него с поездом посылки – продукты и деньги. Ближе к октябрю, к недоумению Анны, он передал теплые вещи.

– Зачем? – спросила она вечером по телефону Виталия, прекрасно понимая, что с получением осенне-зимней одежды все дальше и дальше отодвигается ее надежда на скорое возвращение в Москву.

– На всякий случай, – коротко ответил он.

В конце сентября в столице стало беспокойно. Газеты писали о роспуске Съезда народных депутатов России и Верховного Совета, о противостоянии депутатов во главе с генералом Рудским и коалиции Бориса Ельцина.

Анна, которая после второго замужества, по молчаливому согласию в семье, газет не читала и о политической ситуации в стране имела представление только со слов окружавших ее людей, вдруг стала понимать, почему ее сюда, в этот скучный, серый городишко, где даже трава на газонах не может расти без вьевшейся пыли, отослал Виталик. И чем ее муж занимался в последнее время.

– Господи, – похолодело у нее внутри. – Наверняка будет заваруха, и он влезет в самую гушу.

Уж лучше бы он изменял ей с любовницей, как иногда думалось Анне, неожиданно проснувшейся среди ночи.

Она взяла больничный и часами не отходила от телевизора.

Второго октября 1993 года в Москве прошли многолюдные демонстрации, организованные оппозицией. На следующий день сторонники Верховного Совета захватили здание муниципалитета и гостиницы «Мир», а затем начали штурмовать Останкинский телецентр. Телевидение и радио постоянно вещали о чрезвычайном положении, объявленном в столице, о вводе войск, о толпах добровольцев, кинувшихся на помощь президенту.

Виталий перестал звонить, и на Анну надвинулось нехорошее предчувствие – липкое и обволакивающее. Когда по ящику показывали, как сторонники Бориса Ельцина, бросив работу, полезли на баррикады, она еще держалась, но, когда верные ему войска стали расстреливать Белый дом, Анна заплакала.

И вдруг у нее словно что-то оборвалось внутри и окаменело. Что-то ужасное, страшное нависло над ней – судороги пробежали по телу, скрючили его, и она ничком упала на раскладушку. В этой позе Анна пролежала больше суток, не вставая и не реагируя на слова детей, пока Коля, ее старший сын, не привел домой брата.

– Анна, соберись! – Сергей поднял ее с постели и затряс. – Тебе надо быть сильной! Звонили из Москвы, наверное от Виталия. Здание правительства занято войсками, и многих арестовывают. Ты должна туда срочно поехать. Срочно! Слышишь, Анна?!

Слова брата долго не могли достичь цели. Они жили как бы сами по себе – стайками срывались с его губ и, обогнув по кругу пустоту, образовавшуюся вокруг Анны, улетали в космос. Наконец до сознания Анны начало доходить, что, возможно, Виталий жив, здоров, но нуждается в ее помощи.

Она очнулась и начала действовать – быстро собралась, покидав в дорожную сумку первые попавшиеся вещи, вытряхнула из шкатулки последние деньги и, оставив сыновей на попечение Сергея и Татьяны, поехала в Москву. На прощание брат дал ей номер телефона, который ему сообщили звонившие люди.

До Москвы Анна добиралась на легковушке какого-то предпринимателя – знакомого Сергея, обязанного ему возвращением некогда отобранных гайшниками прав.

Предприниматель ехал в Рязань, но ради Сергея согласился довезти Анну до Москвы. По причине постоянной проверки документов на дорогах военными и милицейскими патрулями в Москву они так и не попали. Какими-то только ему одному ведомыми путями они добрались до Раменского, где коммерсант высадил Анну и поспешил быстро уехать, нутром почуяв, что пассажирка для него небезопасна.

Анна, разыскав городской почтамт, позвонила по номеру, указанному на клочке бумаги. Трубку снял мужчина.

– Я Анна Иванова, – представилась она. – Вы мне звони...

Мужской голос резко перебил ее:

– Где вы находитесь?

– В Раменском.

– Идите на вокзал. Ждите меня у главного входа со стороны перрона, там, где останавливаются электрички.

– Кто вы? – спросила Анна.

– Вы меня узнаете, – услышала она в ответ.

8

Анна долго стояла у входа в вокзал, напряженно всматриваясь в лица проходящих мимо мужчин.

В связи с событиями в Москве электропоезда ходили плохо, и народу на перроне было мало. Какие-то подвыпившие мужичонки, заинтригованные ее долгим пытливым взглядом, остановились около и стали предлагать прогуляться с ними до пивнушки. Анна отвернулась.

Вдруг к ней подбежал маленький мальчик примерно того же возраста, что и ее Сашка и, дернув за рукав куртки, затараторил:

– Тетя Аня, пойдемте! Папа ждет внизу!

Пройдя по перрону, они спустились по ступенькам на пешеходную часть улицы и подошли к автобусной остановке, встав в хвост ожидающих транспорт людей. Все это время Анна крепко держала ребенка за руку. Какой-то человек, остановившийся рядом, чиркнув спичкой, закурил. Мальчик, вырвавшись от Анны, взял его за руку.

Приглядевшись, Анна узнала мужчину – это был Саша, друг Виталия, с которым она когда-то давно познакомилась в санатории и в честь которого был назван их маленький сын.

– Виталик, спокойно! – одернул Александр мальчика, запрыгавшего на одном месте, и Анна поняла, что не ошиблась, хотя при слове «Виталик», что-то нехорошо кольнуло у нее внутри. Ей рассказывал муж, что его лучший друг тоже назвал своего ребенка в его честь.

– Аня, слушайте меня внимательно, – тихо произнес Саша. – Сейчас вы медленно пойдете по тротуару в правую сторону. На ближайшем перекрестке перейдете дорогу. Там будет стоять белая двадцать первая «Волга». Машина старой модели. Запомнили?

Анна молча кивнула.

– Сядете в нее и поедете с водителем. Я скоро вас найду.

Последние слова были сказаны им уже скороговоркой. После чего Саша с сыном заскочили в подошедший автобус. Двери автобуса закрылись, и он поехал, набирая скорость.

Анна в растерянности продолжала стоять на остановке.

Господи, да что же такое происходит? Почему ей толком никто ничего не может объяснить, и к чему, вообще, эти шпионские страсти? И где, наконец, Виталик?

Она повернулась и медленно пошла вперед по правой стороне тротуара мимо торгового центра, машинально отслеживая на другой стороне улицы старую «Волгу» белого цвета. Когда-то давно у ее отца была такая же. Они с матерью ее честно заработали на строительстве электростанции в Египте.

Наткнувшись глазами на машину, Анна быстро перешла дорогу.

Рывком открыв допотопную дверцу, она уселась на заднее сиденье. За рулем находился лысый дедок в очках, показавшийся ей до того стареньким, что Анна даже удивилась – почему гаишники у таких не отбирают права в целях предупреждения аварийных ситуаций на дорогах.

– Вы плохо воспитаны, девушка! Когда впервые садитесь в машину, нужно поздороваться с водителем, – проскрипел старичок.

Анна нехотя буркнула запоздалое «Здрате». Она узнала старика. Это был не кто иной, как Петр Петрович Воронков, ее давний знакомый. Очень давний.

Встреча с Воронковым Анну не обрадовала – из глубин ее сознания вновь стало подниматься нехорошее предчувствие.

– Петр Петрович, что с ним? – тихо спросила она и смахнула с лица непрошеную слезинку.

– Приедем, узнаешь! – уже более миролюбиво ответил старик своим ржавым голосом. Больше они не разговаривали.

На удивление Анны, Воронков вел машину очень хорошо. Они покружили по городу, проверив, нет ли за ними слежки, и выехали на какую-то дорогу, окруженную с двух сторон лесом.

Анна, зная Петра Петровича, больше не удивлялась игре в шпионы. За окнами начало смеркаться, и тусклый свет редких фонарей с трудом освещал дорогу. Она понятия не имела, куда ее везет старик, постоянно поворачивая и съезжая на какие-то грунтовые тракты, а затем снова выруливая на асфальт, но и спрашивать у него об этом не хотела.

Так они и двигались – в полной тишине, даже радио не включали, что Анну совсем не тяготило. Все ее думы были заняты Виталиком.

На кой черт ему нужна была эта авантюра?! Совсем как в песне группы «Машина времени», которую они очень любили, – «...кого ты хотел удивить?» И главное – зачем?

Наконец они въехали в какой-то небольшой населенный пункт, название которого из-за плохого освещения Анна так и не смогла разобрать на табличке.

Видимо, Петр Петрович здесь бывал частенько, поэтому быстро сориентировался и подвез Анну к трехэтажному зданию, окруженному каменным забором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.